

Родители великаго князя Павла Петровича.

Жизнь императора Павла Петровича всецѣло принадлежитъ ко второй половинѣ XVIII вѣка и поэтому всецѣло носитъ на себѣ характеръ влiяній, присущихъ этому причудливому вѣку, а также тѣхъ политическихъ условiй, въ которыхъ росла и развивалась въ это время великая Россiя. Болѣе, чѣмъ кто-либо изъ современныхъ ему монарховъ, императоръ Павелъ отражалъ въ своей личности влiянiя окружавшаго его общества, страстность возникшей въ немъ соціальной борьбы, весь темпъ современной ему жизни. Несчастливая семейная обстановка, въ которой пришлось императору расти и воспитываться, также наложила на его жизнь и личность особую, трагическую печать. Все это, вмѣстѣ взятое, сообщаетъ исторiи императора Павла, помимо—біографическаго, и общiй историческiй и психологическiй интересъ и вынуждаетъ біографа императора для уясненiя многихъ сторонъ его жизни и царствованiя выходить изъ предѣловъ узкой біографической рамки.

Прежде всего необходимо, хотя вкратцѣ, указать на положенiе внутреннихъ дѣлъ въ Россiи въ періодъ времени, предшествовавшiй рожденiю императора Павла. Россiя только-что пережила тогда необычайный подъемъ народныхъ силъ, вызванныхъ къ жизни широкими и всесторонними преобразованiями Петра Великаго. Желѣзная воля царственнаго работника, его всеокрушающая энергiя, не останавливавшаяся ни передъ какими препятствiями, пробуждали народъ отъ вѣкового сна, указывали ему новые пути къ дѣятельности и въ короткое сравнительно время ввели Россiю въ семью европейскихъ народовъ въ качествѣ полноправнаго ея члена. Но ги-

гантская работа царя-преобразователя и его народа не обошлась имъ даромъ. Уже въ слѣдующемъ поколѣніи прекратилась мужская отрасль Дома Романовыхъ, и верховное управленіе Россійской имперіи сдѣлалось предметомъ дворцовыхъ переворотовъ и добычей временщиковъ, руководившихъ судьбами государства именемъ потомковъ Петра и старшаго брата его, царя Іоанна. Въ теченіе 16 лѣтъ, протекшихъ отъ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, русскій престолъ былъ игралищемъ въ рукахъ Меншикова, князей Долгорукихъ, Бирона, Миниха, Остермана и ихъ приверженцевъ. Закона о престолонаслѣдіи не существовало, и честолюбцы дѣлали, что хотѣли, на свой рискъ и страхъ, не стѣсняясь средствами: возводили на престолъ младшую сестру при жизни старшей, рѣшали вопросъ о правленіи заговорами среди солдатъ, не останавливались даже предъ мыслью о поддѣлкѣ духовныхъ завѣщаній, чтобы опредѣлить, кому наследовать престолъ. Зато неизмѣримо глубока была и пропасть, поглощавшая честолюбцевъ: съ подножія трона, съ вершины почестей они, при новомъ переворотѣ, низвергались въ пустыни Березова, Пелыма, даже Камчатки и жили подъ строгимъ надзоромъ среди дикарей, едва имѣя хлѣбъ насущный и испытывая страшныя лишенія. Болѣе того, самъ младенецъ-императоръ Іоаннъ VI Антоновичъ сведенъ былъ съ престола въ мрачный казематъ, гдѣ затѣмъ онъ росъ, не зная ни жизни, ни людей, и гдѣ долженъ былъ потерять человѣческій разумъ. Въ основѣ этой борьбы за престолъ, за правленіе, лежали преимущественно личные и отчасти сословныя интересы, а вовсе не политическія идеи, которыя туго привились русскому обществу первой половины XVIII вѣка, и лишь въ концѣ указаннаго нами періода времени засилье инородческихъ элементовъ въ верховномъ управленіи въ лицѣ Бирона, Миниха и Остермана вызвало естественную реакцію среди русскихъ людей, сплотившихся вокругъ дочери Петра Великаго, цесаревны Елисаветы Петровны. Въ ночь на 25 ноября 1741 года она, во главѣ преданныхъ ей гвардейскихъ солдатъ, лично арестовала младенца-императора Іоанна Антоновича и мать его, правительницу государства Анну Леопольдовну, принцессу Брауншвейгскую, и вступила на престолъ, обѣщая наступленіе дней спокойствія и порядка.

Разумѣется, первымъ ея дѣломъ было озаботиться установленіемъ твердаго порядка въ дѣлѣ престолонаслѣдія. Таково было настроеніе духа императрицы, что, вступивъ на престолъ

при единодушномъ одобреніи и восторгѣ всѣхъ своихъ подданныхъ, не имѣя себѣ никакого совѣстника, она, вспоминая ночь вступленія своего на престоль, выражала опасеніе даже за свою судьбу и не имѣла опредѣленной спальни, ночуя въ различныхъ комнатахъ и проводя часто всю ночь напролетъ въ бодрствованіи, занимаясь бесѣдами съ приближенными къ ней женщинами. Нужно было положить конецъ неопредѣленности въ престолонаслѣдіи, заранѣе указать наслѣдника престола, чтобы будущность государства явилась обезпеченной и не была предметомъ интригъ новыхъ честолюбцевъ. Естественнымъ наслѣдникомъ Елисаветы былъ единственный, остававшійся въ живыхъ, потомокъ Петра Великаго, сынъ старшей сестры ея, цесаревны Анны Петровны, юный герцогъ Голштинскій Петръ-Карль-Ульрихъ, которому не исполнилось еще и 14 лѣтъ. По смыслу завѣщанія императрицы Екатерины I, герцогу Петру, какъ сыну старшей ея дочери, принадлежало право наслѣдованія русскаго престола послѣ Петра II. Императрица Елисавета получила это право только потому, что герцогъ не былъ православнаго исповѣданія. Теперь, призывая его въ Россію въ качествѣ своего наслѣдника, Елисавета вмѣняла ему въ обязанность принять православіе. 5 февраля 1742 года Петръ, сопровождаемый своимъ оберъ-гофмаршаломъ Брюimmerомъ, прибылъ въ Россію и вслѣдъ затѣмъ сопровождалъ императрицу въ Москву на торжества коронаціи. 7 ноября изданъ былъ манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ престола герцога Петра Голштинскаго; при этомъ объявлено было, что наслѣдникъ принялъ благочестивую вѣру Греческаго исповѣданія, и въ церквахъ поминали послѣ имени императрицы „наслѣдника ея, внука Петра Перваго, благовѣрнаго государя великаго князя Петра Ѳеодоровича“. Но это было только начало дѣла. Для упроченія престолонаслѣдія необходимо было женить юнаго наслѣдника. Начались поиски невѣсты, и, отвергнувъ предложенныхъ невѣстъ: принцессъ саксонскую и французскую, императрица остановила свой выборъ на юной 13-лѣтней принцессѣ Ангальтъ-Цербстской Софіи: помимо личныхъ качествъ принцессы, на это рѣшеніе императрицы повліяли теплыя воспоминанія о родномъ дядѣ принцессы, который былъ женихомъ императрицы и скоропостижно умеръ незадолго до свадьбы. Мать Софіи, принцесса Юганна-Елисавета, приглашена была пріѣхать въ Россію вмѣстѣ съ дочерью. Приглашеніе это принято было ею съ восторгомъ, тѣмъ болѣе, что предположенный бракъ одобрялъ изъ политическихъ своихъ видовъ и покрови-

тель принцессы король прусскій Фридрихъ II. 9 февраля 1744 года принцессы прибыли въ Москву, гдѣ въ то время находился дворъ, и радушно встрѣчены были императрицей. Юная принцесса Софія понравилась императрицѣ, жениху и всему двору, и 28 іюня 1744 года принцесса приняла православіе, при чемъ наречена была „великой княжной Екатериной Алексѣевной“, въ честь матери императрицы, а на слѣдующій день, 29 іюня, совершенно было и обрученіе ея съ великимъ княземъ Петромъ Теодоровичемъ. Бракосочетаніе молодой четы произошло, однако, лишь годъ спустя, 25 августа 1745 года, въ виду крайней молодости жениха и невѣсты. Плодомъ этого брака явилось, девять лѣтъ спустя, рожденіе великаго князя Павла Петровича, будущаго русскаго императора.

Но еще прежде, чѣмъ совершилось это знаменательное бракосочетаніе, для императрицы Елисаветы и всего русскаго двора выяснилась разница въ личностяхъ Петра и Екатерины, которая лучше всего измѣрялась тѣмъ фактомъ, что, насколько молодая великая княгиня привлекала къ себѣ симпатіи всѣхъ русскихъ людей, настолько же супругъ ея сдѣлался предметомъ всеобщаго неуваженія и даже презрѣнія. Великій князь Петръ Теодоровичъ, оставшись сиротою, не получилъ должнаго воспитанія. Опекунъ молодого герцога, его дядя Адольфъ-Фридрихъ, предоставилъ его воспитаніе оберъ-гофмаршалу Брюмеру, о которомъ говорили, что онъ способенъ лошадей обучать, а не принца воспитывать. По отзыву современниковъ, Брюмеръ, будучи съ малолѣтства въ военной службѣ, самъ ни о чемъ не имѣлъ понятія и задачу свою полагалъ въ томъ, чтобы грубо и жестоко относиться къ своему воспитаннику, уже съ младенчества бывшему хилымъ и болѣзненнымъ. Его сѣкли розгами и хлыстомъ, ставили голыми колѣнями на горохъ, привязывали къ столу и печи; мало того, Брюмеръ говорилъ Петру: „Я такъ васъ велю сѣчь, что собаки кровь ливать будутъ; какъ бы я былъ радъ, если бы вы сейчасъ же издохли“. Мальчика учили ружейнымъ приемамъ, маршировкѣ, верховой ѣздѣ, и онъ съ дѣтства пристрастился къ солдатчинѣ; изъ другихъ предметовъ обученія особое вниманіе обращали на танцы, такъ что Петръ самъ говорилъ: „я увѣренъ, что они хотятъ сдѣлать меня профессоромъ кадрили, а другого ничего мнѣ знать не надобно“. Дѣйствительно, юный герцогъ едва зналъ нѣмецкую и французскую грамоту. Такъ какъ по рожденію Петръ былъ претендентомъ на короны шведскую и русскую, то его обучали при жизни отца обоимъ языкамъ, но Брюмеръ

скоро прекратилъ занятія по русскому языку, говоря, что „этотъ подлый языкъ пригоденъ только собакамъ да рабамъ“, и внушая молодому герцогу отвращеніе къ русскому народу. По свидѣтельству самой Екатерины, видѣвшей будущаго своего супруга въ Эйтинѣ въ 1739 г., она слышала, что молодой герцогъ былъ „наклоненъ къ пьянству, что его приближенные съ трудомъ могли препятствовать ему напиваться за столомъ, что онъ былъ упрямъ и вспыльчивъ, что онъ не любилъ окружающихъ, особенно Брюммера, что, впрочемъ, онъ выказывалъ живость, но былъ слабаго и хилаго сложенія. Дѣйствительно, цвѣтъ лица у него былъ блѣденъ, и онъ казался тощимъ и хрупкимъ. Приближенные хотѣли выставить этого ребенка взрослымъ и съ этою цѣлью стѣсняли его и держали въ принужденіи, которое должно было вселить въ немъ фальшь, начиная съ манеры держаться и кончая характеромъ“. На религіозное воспитаніе Петра также мало обращали вниманія. Сначала уроки Закона Божія давали ему одновременно и лютеранскій пасторъ, и православный іеромонахъ, бывшій при дворѣ Анны Петровны, въ виду неопредѣленности ожидавшей его судьбы, затѣмъ исключительно лютеранскій пасторъ. Но, говоритъ Екатерина, „онъ съ дѣтства былъ неподатливъ для всякаго назиданія. Я слышала отъ его приближенныхъ, что въ Килѣ (столицѣ Голштиніи) стоило величайшаго труда посылать его въ церковь по воскресеньямъ и праздникамъ и побуждать его къ исполненію обрядностей, какія отъ него требовали, и что онъ большею частію проявлялъ невѣріе“. Когда молодой герцогъ прибылъ въ Россію, то императрица Елисавета, сама получившая плохое образованіе, поражена была невѣжествомъ и неразвитостью своего племянника и тотчасъ же окружила его наставниками, въ числѣ которыхъ былъ и Штелинь, профессоръ элоквенціи, оставившій намъ воспоминанія о своемъ ученикѣ: ему велѣно было „обучать великаго князя надлежащимъ наукамъ“. Но занятія Штелина мало принесли пользы великому князю, упорно не желавшему учиться и подчинявшемуся требованіямъ своихъ учителей лишь изъ боязни гнѣва императрицы. Хуже всего было то, что Петръ не любилъ чтенія и ничего не хотѣлъ читать. Къ занятіямъ по русскому языку и закону Божію православнаго исповѣданія Петръ, къ неудовольствію своей набожной тетки, относился съ необычайнымъ пренебреженіемъ. Законоучителю своему Симеону Тодорскому, бывшему потомъ архіепископомъ псковскимъ, Петръ возражалъ по каждому пункту и въ спорахъ съ нимъ прояв-

лялъ такой пылъ, обнаруживавшій привязанность его къ лютеранству, что часто приближенные его должны были являться, чтобы прервать схватку. Даже въ день присоединенія своего къ православію, Петръ Θεодоровичъ не утерпѣлъ, чтобы не посмѣяться надъ православными священниками, говоря: „имъ общаешь многое, чего и не думаешь исполнить“. Презрѣніе къ русскому народу и православною вѣрѣ поддерживали въ немъ всѣ голштинцы, составлявшіе его свиту, съ Брюммеромъ во главѣ, и въ Россіи, по недосмотру императрицы. Боясь императрицы, чувствуя отвращеніе къ Брюммеру и другимъ своимъ воспитателямъ и наставникамъ, великій князь, лишенный всякаго общества, сталъ находить удовольствіе въ бесѣдѣ съ своими камердинерами, лакеями, также привезенными изъ Голштиніи; особеннымъ довѣріемъ его пользовался камердинеръ Румберхъ, старый драгунъ Карла XII, и съ нимъ не разъ онъ совѣтовался, какъ слѣдуетъ поступать ему въ Россіи. „Въ своихъ внутреннихъ повояхъ“, говоритъ Екатерина: „великій князь въ ту пору только и занимался тѣмъ, что устраивалъ военныя ученія съ кучкой людей, данныхъ ему для комнатныхъ услугъ; онъ то раздавалъ имъ чины и отличія, то лишалъ ихъ всего, смотря по тому, какъ вздумается. Это были настоящія дѣтскія игры и постоянное ребячество: вообще онъ былъ еще очень ребячивъ, хотя ему минуло 16 лѣтъ“.— „Умъ его былъ все еще очень ребяческій“, говоритъ Екатерина въ другой редакціи своихъ записокъ: „онъ забавлялся въ своей комнатѣ тѣмъ, что обучалъ военному дѣлу своихъ камердинеровъ, лакеевъ, карловъ, кавалеровъ (кажется, и у меня былъ чинъ), упражнялъ ихъ и муштровалъ, но, насколько возможно, это дѣлалъ безъ вѣдома своихъ гувернеровъ, которые, правду сказать, съ одной стороны, очень небрежно къ нему относились, а съ другой—обходились съ нимъ грубо и неумѣло и оставляли его очень часто въ рукахъ лакеевъ, особенно когда не могли съ нимъ справиться. Правда, было ли то слѣдствіемъ дурного воспитанія или врожденной склонности, но онъ былъ неукротимъ въ своихъ желаніяхъ и страстяхъ“. Отношенія великаго князя къ своей невѣстѣ вполне соответствовали его неразвитости и дурнымъ склонностямъ. „Великій князь“, говоритъ Екатерина, „казалось, былъ радъ пріѣзду моей матери и моему. Мнѣ шелъ пятнадцатый годъ. Въ теченіе первыхъ десяти дней онъ былъ очень занятъ мною; тутъ же и въ теченіе этого короткаго промежутка времени я увидѣла и поняла, что онъ не очень цѣнитъ народъ, надъ которымъ ему суждено

было царствовать, что онъ держался лютеранства, не любилъ своихъ приближенныхъ и былъ очень ребячливъ (*fort enfant*). Я молчала и слушала, чѣмъ снискала его довѣріе; помню, онъ мнѣ сказаль, между прочимъ, что ему больше всего нравится во мнѣ то, что я его троюродная сестра, и что, въ качествѣ родственника, онъ можетъ говорить со мною по душѣ, послѣ чего сказаль, что влюбленъ въ одну изъ фрейлинъ императрицы..., что ему хотѣлось бы на ней жениться, но что онъ покоряется необходимости жениться на мнѣ, потому что его тетка того желаетъ. Я слушала, краснѣя, эти родственные разговоры, благодаря его за скорое довѣріе, но въ глубинѣ души я взирала съ изумленіемъ на его неразуміе и недостатокъ сужденія о многихъ вещахъ. И позднѣе въ поведеніи Петра Теодоровича проявлялось то же неразуміе по отношенію къ Екаторинѣ. „Великій князь“, говоритъ она, „иногда заходилъ ко мнѣ вечеромъ въ мои покои, но у него не было никакой охоты приходить туда: онъ предпочиталъ играть въ куклы у себя; между тѣмъ ему исполнилось тогда 17 лѣтъ, мнѣ было 16; онъ былъ на годъ и три мѣсяца старше меня... Съ переѣздомъ въ Лѣтній дворецъ посѣщенія великаго князя стали еще рѣже. Признаюсь, этотъ недостатокъ вниманія и эта холодность съ его стороны, такъ сказать наканунѣ нашей свадьбы, не располагали меня въ его пользу, и чѣмъ болѣе приближалось время, тѣмъ менѣе я скрывала отъ себя, что, можетъ-быть, вступаю въ очень неудачный бракъ, но я имѣла слишкомъ много гордости и слишкомъ возвышенную душу, чтобы жаловаться и чтобы даже давать поводъ людямъ догадываться, что я не считаю себя любимой: я слишкомъ цѣнила самое себя, чтобы думать, что меня презираютъ. Впрочемъ, великій князь позволялъ себѣ нѣкоторые вольные поступки и разговоры съ фрейлинами императрицы, что мнѣ не нравилось, но я отнюдь объ этомъ не говорила и никто даже не замѣчалъ тѣхъ душевныхъ волненій, какія я испытывала“. Екаторину Алексѣевну тѣмъ болѣе возмущало поведеніе великаго князя, что она ясно сознавала свое умственное превосходство надъ нимъ. Едва пріѣхавъ въ Россію, она быстро поняла свое положеніе въ чуждой для нея обстановкѣ и, желая стать въ уровень съ возложенными на нее надеждами, не руководимая никѣмъ, болѣе того, даже иногда вопреки матери, естественной своей руководительницѣ, составила себѣ планъ поведенія, совершенно противоположный поведенію будущаго своего супруга. Во вновь открытой, ранней редакціи своихъ „Записокъ“ Екатерина писала

слѣдующее: „вотъ разсужденіе или, вѣрнѣе, заключеніе, которое я сдѣлала, какъ только увидала, что твердо основалась въ Россіи, и которое я никогда не теряла изъ виду ни на минуту:

- 1) нравиться великому князю,
- 2) нравиться императрицѣ,
- 3) нравиться народу.

„Я хотѣла бы выполнить всѣ три пункта, и если мнѣ это не удалось, то либо желанныя предметы не были расположены къ тому, чтобъ это было, или же Провидѣнію это не было угодно; ибо, поистинѣ, я не пренебрегала ничѣмъ, чтобы этого достигъ: угодливость, покорность, уваженіе, желаніе нравиться, желаніе поступать, какъ слѣдуетъ,—все съ моей стороны постоянно къ тому употребляемо было съ 1744 по 1761 г. Признаюсь, что, когда я теряла надежду на успѣхъ въ первомъ пунктѣ, я удваивала усилія, чтобы выполнить другія два желанія; мнѣ показалось, что не разъ успѣвала во второмъ, а третій мнѣ удался во всемъ своемъ объемѣ, безъ всякаго ограниченія какимъ-либо временемъ, и, слѣдовательно, я думаю, что довольно хорошо исполнила свою задачу. Остальное, что я скажу, лучше пояснить то, что я уже сказала. Этотъ планъ въ концѣ концовъ сложился въ моей головѣ въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ, безъ чьего-либо участія, и самое большее, что я могу сказать, это то, что онъ былъ слѣдствіемъ моего воспитанія; но если я должна сказать искренно, что я думаю, то я смотрю на него, какъ на плодъ моего ума и моей души, и приписываю его лишь себѣ одной; я никогда не теряла его изъ виду; все, что я когда-либо дѣлала, всегда къ этому клонилось, и вся моя жизнь была изысканіемъ средствъ, какъ этого достигнуть“. И Екатерина блестяще доказала свой умъ въ скоромъ времени по пріѣздѣ въ Россію. Между тѣмъ какъ ея мать тотчасъ по пріѣздѣ въ Россію спрашивала у императрицы, не можетъ ли дочь ея сохранить лютеранство, выходя замужъ за великаго князя, и во время постигшей Екатерину тяжелой болѣзни спѣшила пригласить къ ней лютеранскаго пастора, сама Екатерина, прійдя въ сознаніе, просила послать за своимъ законоучителемъ, архимандритомъ Симеономъ Тодорскимъ. Выказывая усердіе къ православію еще до официальнаго принятія его, Екатерина старательно изучала русскій языкъ и, окруженная русской прислугой, дѣлала въ немъ быстрые успѣхи. Это чрезвычайно возвысило Екатерину во мнѣніи всѣхъ русскихъ людей, и когда ея мать возбудила неудовольствіе императрицы

своими интригами, и зашла рѣчь объ ея отъѣздѣ, то императрица подавила въ себѣ это неудовольствіе лишь ради Екатерины. Но при этомъ случаѣ, пишетъ Екатерина, „я увидѣла ясно, что великій князь покинулъ бы меня безъ сожалѣнія; что меня касается, то, въ виду его настроенія, онъ былъ для меня почти безразличенъ, но небезразлична была для меня русская корона“. Надобно удивляться уму и самообладанію „15-лѣтняго философа“, какъ называла себя Екатерина, во всѣхъ случаяхъ, когда люди и обстоятельства ставили ее въ фальшивое положеніе. Собственная мать ея, принцесса Юганна-Елисавета, уже возбудивъ неудовольствіе императрицы своими сношеніями съ французскимъ посломъ Шетарди, требовала отъ дочери, чтобы она въ своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ руководствовалась ея симпатіями. Екатерина, въ отвѣтъ на ядовитое поздравленіе Шетарди, что она причесана en Moÿse, какъ нравилось императрицѣ, сказала зазнавшемуся французу, что въ угоду императрицѣ она будетъ причесываться во всѣ фасоны, какіе ей нравятся. Шетарди, услышавъ таимъ отвѣтъ, сдѣлалъ пируэтъ налѣво, ушелъ въ другую сторону и больше къ ней не обращался. Брюмеръ обращался къ Екатериинѣ нѣсколько разъ, жалуясь на своего воспитанника, и хотѣлъ ея воспользоваться, чтобы исправить и образумить великаго князя, но Екатерина сказала ему, что это невозможно для нея, и что она этимъ только станетъ ему столь же ненавистна, какъ самъ Брюмеръ и другіе его приближенные; болѣе того, Екатерина сама не разъ играла и возилась съ великимъ княземъ. „У насъ обоихъ“, объясняетъ она, „не было недостатка въ ребяческой живости“. Тѣмъ не менѣе, когда великій князь сталъ бранить Екатерину за излишнюю, по его мнѣнію, набожность, за то, что она слушала въ своихъ комнатахъ заутреню во время великаго поста, она дала ему отпоръ. „Этотъ споръ“, говоритъ Екатерина, „кончился, какъ и большинство споровъ кончаются, и его императорское высочество, не имѣя за обѣдней никого другого, съ кѣмъ бы поговорить, кромѣ меня, понемногу пересталъ на меня дуться“. Тѣмъ не менѣе, не одинъ Брюмеръ, но и голштинскіе камердинеры великаго князя ожидали, что, выйдя замужъ, Екатерина возьметъ верхъ надъ своимъ супругомъ и подчинитъ его своему вліянію, и стали часто говорить ему, какъ надо обходиться съ женою. „Румбергъ, старый шведскій драгунъ“, пишетъ Екатерина, „говорилъ великому князю, что его жена не смѣетъ дыхнуть при немъ, ни вмѣшиваться въ его дѣла, что, если только она захочетъ открыть ротъ при немъ, онъ приказываетъ ей за-

молчать, что онъ хозяинъ въ домѣ, и что стыдно мужу позволять женѣ руководить собою, какъ дурачкомъ. Великій князь по природѣ умѣлъ скрывать свои тайны, какъ пушка свой выстрѣлъ, и когда у него бывало что-нибудь на умѣ или на сердцѣ, онъ прежде всего спѣшилъ рассказать это тѣмъ, съ кѣмъ привыкъ говорить, не разбирая, кому онъ это говорить, а потому его императорское высочество самъ сразу рассказаль мнѣ всѣ эти разговоры при первомъ случаѣ, когда меня увидѣлъ; онъ всегда простодушно воображалъ, что всѣ согласны съ его мнѣніемъ, и что нѣтъ ничего болѣе естественнаго. Я отнюдь не довѣрила этого кому бы то ни было, но не переставала серьезно задумываться надъ ожидающей меня судьбой. Я рѣшила очень бережно относиться къ довѣрію великаго князя, чтобы онъ могъ, по крайней мѣрѣ, считать меня надежнымъ для меня человекомъ, которому онъ могъ все говорить безъ всякихъ для себя послѣдствій. Это мнѣ долго удавалось“.

Уже приближался день свадьбы, когда во время переѣзда изъ Москвы въ Петербургъ, въ селѣ Хотиловѣ, Петръ Θεодоровичъ заболѣлъ оспой. „Когда затѣмъ императрица и великій князь возвратились въ Петербургъ“, пишетъ Екатерина, „и я увидала его, никогда еще не испытывала подобнаго испуга, какъ въ этотъ разъ. Онъ только-что оправился отъ оспы, лицо его было совсѣмъ обезображено и распухло до крайности; словомъ, если бы я не знала, что это онъ, я ни за что бы не узнала его; вся кровь во мнѣ застыла при видѣ его, и если бы онъ былъ немного болѣе чутокъ, онъ не былъ бы доволенъ тѣми чувствами, которыя мнѣ внушилъ“. Естественно, что, когда начались приготовления къ свадьбѣ, Екатерина „съ отвращеніемъ“ слышала, какъ упоминали этотъ день. „Чѣмъ больше приближался день моей свадьбы, тѣмъ я становилась печальнѣе, и очень часто я, бывало, плакала, сама не зная почему; я скрывала, однако, насколько могла, эти слезы, но мои женщины, которыми я была окружена, не могли не замѣтить этого и старались меня разсвѣять“.... „По мѣрѣ того, какъ этотъ день приближался“, говоритъ Екатерина въ другой редакціи своихъ „Записокъ“, „моя грусть становилась все болѣе и болѣе глубокой, сердце не предвѣщало мнѣ большого счастья, одно честолюбіе меня поддерживало: въ глубинѣ души у меня было что-то, что не позволяло мнѣ ни на минуту сомнѣваться въ томъ, что рано или поздно мнѣ самой по себѣ удастся быть самодержавной русской императрицей“. Великій князь по-своему праздновалъ канунъ свадьбы, дѣлавшей его, по его мнѣнію, полноправнымъ, взро-

слымъ человѣкомъ. Въ іюлѣ 1745 года дворъ переѣхалъ въ Петергофъ. „Здѣсь“, пишетъ Екатерина, „мнѣ стало ясно, какъ день, что всѣ приближенные великаго князя, а именно его воспитатели, утратили надъ нимъ всякое вліяніе и авторитетъ: свои военныя игры, которыя онъ раньше скрывалъ, теперь онъ производилъ чуть не въ ихъ присутствіи. Графъ Брюмеръ и старшій воспитатель видѣли его почти только въ публикѣ, находясь въ его свитѣ. Остальное время онъ проводилъ буквально въ обществѣ своихъ слугъ, въ ребячествахъ, неслыханныхъ въ его возрастѣ, такъ какъ онъ игралъ въ куклы“.

Во вновь открытой редакціи „Записокъ“ Екатерины, написанной за двадцать лѣтъ ранѣе позднѣйшей ихъ редакціи, сохранились слѣдующія подробности о днѣ ея свадьбы съ великимъ княземъ, 21 августа 1745 г., опредѣлявшія характеръ отношеній новобрачной къ ея супругу. „Около трехъ часовъ императрица въ каретѣ, съ великимъ княземъ и мною, повезла насъ торжественнымъ шествіемъ въ церковь Казанской Божіей Матери, гдѣ мы были обвѣнчаны новгородскимъ епископомъ. Принцъ, епископъ Любекскій, держалъ вѣнецъ надъ головою великаго князя, а оберъ-егермейстеръ графъ Алексѣй Разумовскій—надъ моею. Во время проповѣди, предшествовавшей нашему вѣнчанію, графиня Авдотья Ивановна Чернышева, которая стояла позади насъ съ другими придворными дамами одного съ ней положенія, подошла къ великому князю и сказала ему что-то на ухо; я услышала, какъ онъ ей сказалъ: „убирайтесь, какой вздоръ“, и послѣ этого онъ подошелъ ко мнѣ и рассказалъ, что она просила его не поворачивать головы, пока онъ будетъ стоять предъ священникомъ, потому что, кто первый изъ насъ двоихъ повернетъ голову, умретъ первый, и что она не хочетъ, чтобы это былъ онъ. Я нашла этотъ комплиментъ не особенно вѣжливымъ въ день свадьбы, но не подала и виду; но она замѣтила, что онъ мнѣ передалъ ея слова. Она покраснѣла и стала дѣлать ему упреки, которые онъ опять мнѣ пересказалъ. Потомъ вернулись въ Зимній дворецъ, около шести часовъ сѣли обѣдать въ галереѣ, гдѣ для этого поставленъ былъ балдахинъ; императрица, имѣя великаго князя по правую руку и меня по лѣвую, была подъ этимъ балдахиномъ; ступенькой ниже, рядомъ съ великимъ княземъ, сидѣла моя мать, а рядомъ со мною, противъ матери, мой дядя, принцъ, епископъ Любекскій. Послѣ ужина императрица вернулась въ свои покои, чтобы дать необходимое время унести изъ галереи столъ и приготовить ее къ балу... На этомъ балу танцовали только полонезы, онъ продолжался не

болѣе часа, послѣ чего императрица повела насъ съ великимъ княземъ въ наши покои; дамы меня раздѣли и уложили въ постель между девятью и десятью. Я просила принцессу Гессенскую побыть со мною еще немного, но она не могла согласиться; всѣ удалились, и я оставалась одна болѣе двухъ часовъ, не зная, что мнѣ слѣдовало дѣлать: нужно ли было встать, или слѣдовало оставаться въ постели? Я ничего на этотъ счетъ не знала. Наконецъ Крузе, моя новая камеръ-фрау, вошла и сказала мнѣ очень весело, что великій князь ждетъ своего ужина, который скоро подадутъ. Его императорское высочество, хорошо поужинавъ, пришелъ спать, и когда онъ легъ, онъ завелъ со мною разговоръ о томъ, какое удовольствіе испыталъ бы одинъ изъ его камердинеровъ, если бы увидалъ насъ вдвоемъ въ постели; послѣ этого онъ заснулъ и проспалъ очень спокойно до слѣдующаго дня. Простыни изъ каммердука, на которыхъ я лежала, показались мнѣ столь неудобны, что я очень плохо спала, тѣмъ болѣе, что, когда разсвѣло, дневной свѣтъ мнѣ показался очень неприятнымъ въ постели безъ занавѣсокъ, поставленной противъ оконъ, хотя и убранной съ большимъ великолѣпіемъ розовымъ бархатомъ, вышитымъ серебромъ. Крузе захотѣла въ слѣдующій день распросить новобрачныхъ, но ея надежды оказались тщетными; и въ этомъ положеніи дѣло оставалось въ теченіе девяти лѣтъ безъ малѣйшаго измѣненія¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ „Записокъ“ Екатерина сообщаетъ, что, несмотря на то, великій князь въ теченіе всего этого времени не спалъ никогда нигдѣ, кромѣ ея постели²⁾.

¹⁾ Это подтверждается донесеніемъ Шампо: „Le Grand-Duc sans s'en douter se trouvait incapable d'avoir des enfants par un obstacle, auquel la circoncision remédie chez les peuples orientaux, mais qu'il crut sans remède“. (Бильбасовъ, I, 535). Эти и нѣкоторыя другія строки пропущены въ академическомъ изданіи „Записокъ“ Екатерины.

„Telle était la honte dont l'accablait son malheur, qu'il n'eût pas même le courage de le révéler, et la princesse qui ne recevait plus ses caresses, qu'avec répugnance, et qui n'était pas alors plus expérimentée que lui, ne songea ni à le consoler ni à lui faire chercher des moyens qui le ramenaient dans ses bras“. Catéra: „Histoire de Catherine II.“, 81.

²⁾ Вопреки сказкамъ, распространеннымъ врагами Екатерины (см. напр., La veau: „Histoire de Pierre III“, Paris, an VII, t. III), она до замужества сохраняла дѣвическую наивность. Вспоминая о пребываніи своемъ въ Петергофѣ передъ свадьбой, Екатерина сообщаетъ о слѣдующемъ случаѣ: „Vers la St-Pierre, toute la cour revint de Péterhof en ville. Je me souviens que la veille de cette fête il me prit fantaisie de faire coucher toutes mes dames et mes femmes de chambre aussi dans ma chambre à coucher. A cet effet, je fis étendre par terre mon lit et ceux de toute la compagnie

Екатерина въ это время сама еще во многихъ отношеніяхъ была ребенкомъ, и отношенія къ ней юнаго супруга не производили на нее такого впечатлѣнія, какъ позже. „Я очень бы любила своего юнаго супруга“, писала она впоследствии, „если бы только онъ захотѣлъ или могъ быть любезнымъ, но у меня явилась жестокая для него мысль въ самые первые дни моего замужества. Я сказала себѣ: если ты полюбишь этого человѣка, ты будешь несчастнѣйшимъ созданіемъ на землѣ; по характеру, каковъ у тебя, ты пожелаешь взаимности; этотъ человѣкъ на тебя почти не смотритъ, онъ говоритъ только о куклахъ или почти что такъ и обращаетъ больше вниманія на всякую другую женщину, чѣмъ на тебя; ты слишкомъ горда, чтобы поднять шумъ изъ-за этого; слѣдовательно, обуздывай себя пожалуйста, на счетъ нѣжностей къ этому господину; думайте о самой себѣ, сударыня. Этотъ первый отпечатокъ, оттиснутый на сердцѣ изъ воска, остался у меня, и эта мысль никогда не выходила изъ головы, но я остерегалась проронить слово о твердомъ рѣшеніи, въ которомъ я пребывала—никогда не любить безгранично того, кто не оплатитъ мнѣ полной взаимностью; но по закалу, какой имѣло мое сердце, оно принадлежало бы всецѣло и безъ оговорокъ мужу, который любилъ бы только меня, и съ которымъ я не опасалась бы обидѣ, какимъ подвергалась съ даннымъ супругомъ; я всегда смотрѣла на ревность, сомнѣніе и недовѣріе и на все, что изъ нихъ слѣдуетъ, какъ на величайшее несчастье, и была всегда убѣждена, что отъ мужа зависитъ быть любимымъ своею женой, если у послѣдней доброе сердце и мягкій нравъ: услужливость и хорошее обращеніе мужа покорятъ ея сердце“. Зная Петра Ѳеодоровича и не ожидая отъ него ничего хорошаго для себя, Екатерина должна была быть тѣмъ болѣе сдержанной въ выраженіи своихъ чувствъ къ нему, что замѣтила начинавшуюся при дворѣ интригу. „Я имѣла полное основаніе думать“, писала она впоследствии, „что въ то время очень заняты были тѣмъ, чтобы поссорить меня съ великимъ княземъ, ибо нѣсколько позже графъ Дивьеръ ни съ того, ни съ сего рассказалъ мнѣ однажды, что онъ замѣтилъ склонность великаго князя къ дѣ-

---

et c'est ainsi que nous passâmes la nuit; mais avant que nous nous endormîmes il s'éleva dans la compagnie une grande dispute sur la différence de deux sexes. Je crois que la plupart de nous étaient dans la plus grande innocence; pour moi je puis jurer que quoique j'eus 16 ans passés, l'ignorais absolument en quoi consistait cette différence. Je fis plus, je promis à mes femmes de questionner là-dessus le lendemain ma mère; le lendemain réellement je fis à ma mère quelques questions dont elle me gronda.

вицѣ Карръ, фрейлинѣ императрицы, а немного спустя, довѣрилъ мнѣ, что таковая же была у моего супруга къ дѣвицѣ Татищевой“.

Плохое воспитаніе, дѣтское неразуміе и дурныя наклонности наследника престола, столь ярко описанныя Екатериной, извѣстны были всему двору и иностраннымъ агентамъ въ Петербургѣ. Императрица Елисавета также знала о поведеніи любимаго своего племянника, но приписывала его поступки молодости и смотрѣла сначала на нихъ снисходительно, думая, вѣроятно, что „женится—перемѣнится“. Но въ началѣ 1746 года, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы Петра, его шалости дошли до того, что онъ рѣшился задѣть даже императрицу. Однажды великій князь, находясь въ своихъ покояхъ, услышалъ говоръ въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ обыкновенно обѣдала императрица со своими приближенными. Онъ тотчасъ просверлилъ коловоротомъ нѣсколько дыръ въ двери, отдѣлявшей его отъ этой комнаты, и увидѣлъ, что съ императрицей обѣдалъ оберъ-егермейстеръ Разумовскій въ шлафрокѣ (онъ въ этотъ день принималъ лѣкарство) и еще человекъ двадцать изъ приближенныхъ императрицы. Вслѣдъ затѣмъ онъ позвалъ насладиться этимъ зрѣлищемъ всѣхъ, кто былъ вокругъ него, а затѣмъ пригласилъ къ себѣ для этой цѣли Екатерину съ ея женщинами. „Меня испугала и возмутила его дерзость“, говоритъ Екатерина, „и я сказала ему, что я не хочу ни смотрѣть, ни участвовать въ такомъ скандалѣ, который, конечно, причинитъ ему большія неприятности, если его тетка узнаетъ, и что трудно, чтобы она этого не узнала, потому что онъ посвятилъ въ свой секретъ по крайней мѣрѣ двадцать человекъ... До воскресенья мы не слышали никакихъ разговоровъ; но въ этотъ день, не знаю какъ случилось, я пришла къ обѣднѣ нѣсколько позже обыкновеннаго; вернувшись въ свою комнату, я собиралась снять свое придворное платье, когда увидѣла, что идетъ императрица, съ очень разгнѣваннымъ видомъ и немного красная. Такъ какъ она не была за обѣдней въ придворной церкви, а присутствовала при богослуженіи въ своей малой домашней церкви, то я, какъ только ее увидала, пошла, по обыкновенію, къ ней навстрѣчу, не выдавъ ея еще въ тотъ день, поцѣловать ей руку; она меня поцѣловала, приказала позвать великаго князя, а пока побранила меня за то, что я оправдываю къ обѣднѣ и оказываю предпочтеніе нарядамъ передъ Господомъ Богомъ.... Великій князь, который раздѣлся въ своей комнатѣ, пришелъ въ шлафрокѣ и съ ночнымъ колпакомъ въ

рукъ, съ веселымъ и развязнымъ видомъ, и подбѣжалъ къ рукъ императрицы, которая поцѣловала его и начала тѣмъ, что спросила, откуда у него хватило смѣлости сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ; затѣмъ сказала, что она вошла въ комнату, гдѣ была машина, и увидѣла дверь, всю просверленную, что всѣ эти дырки были направлены къ тому мѣсту, гдѣ она сидитъ обыкновенно; что, вѣрно, дѣлая это, онъ позабылъ все, чѣмъ онъ ей обязанъ; что она не можетъ смотрѣть на него иначе какъ на неблагодарнаго; что отецъ ея, Петръ I, имѣлъ тоже неблагодарнаго сына; что онъ наказалъ его, лишивъ его наследства; что во времена императрицы Анны она всегда выказывала ей уваженіе, подобающее вѣнчанной главѣ и помазанницѣ Божіей; что эта императрица не любила шутить и сажала въ крѣпость тѣхъ, кто не оказывалъ ей должнаго уваженія; что онъ мальчишка, котораго она сумѣетъ проучить. Тутъ онъ началъ сердиться и хотѣлъ ей возражать, для чего и пробормоталъ нѣсколько словъ, но она приказала ему молчать и такъ разъярилась, что не знала уже мѣры своему гнѣву, что съ ней обыкновенно случалось, когда она сердилась, и наговорила ему обидныхъ и оскорбительныхъ вещей, выказывая ему столько же презрѣнія, сколько и гнѣва". Разумѣется, что это неудовольствіе императрицы Елисаветы на своего непочтительнаго племянника подало ей поводъ ближе ознакомиться съ его жизнью, и для окружающихъ ея не было уже причинъ щадить великаго князя и скрывать передъ нею его поведеніе. Во главѣ вельможъ, не расположенныхъ къ великокняжеской четѣ, былъ канцлеръ графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, который съ неудовольствіемъ видѣлъ пристрастіе Петра Ѳеодоровича къ нѣмцамъ и развитіе дурныхъ его наклонностей. Какъ женщина, императрица Елисавета особенно обратила вниманіе на супружескія отношенія великаго князя и Екатерины и, не зная существа дѣла, въ холодности ихъ другъ къ другу винила преимущественно великую княгиню, о которой ей было донесено, что она слишкомъ фамильярно относится къ одному изъ старшихъ камердинеровъ великаго князя, Андрею Чернышеву. Елисавета рѣшилась теперь измѣнить обстановку великокняжеской четы, удалить окружавшихъ ее голштинцевъ съ Брюммеромъ во главѣ, перемѣнить ея прислугу и, кромѣ того, назначить для надзора за образомъ жизни Петра Ѳеодоровича и его супруги особыхъ довѣренныхъ лицъ, преподавъ имъ надлежащія инструкціи. Инструкціи эти поручено было написать графу Бестужеву, которымъ онъ „по чинимымъ въ нынѣшней младости преступ-

камъ во всѣхъ пунктахъ сочинены“. Цѣлю лица, приставленнаго къ великому князю, было поставлено, чтобъ „его императорское высочество, яко нашъ избранный и объявленный наследникъ имперіи и престола, впредь нашей имперіей державствовать имѣеть.... серіознымъ упражненіемъ себѣ къ тому изодня въ день искусѣе и достойнѣе учинить и всей націи любовь вящше приобрѣсти могъ“. Лицу этому повелѣно было неотступно быть при великомъ князѣ и именемъ государыни дѣломъ и совѣтомъ во всѣхъ случаяхъ „помогать вездѣ и охранять отъ каждаго“. Въ отдѣльныхъ пунктахъ инструкціи перечисляются тѣ „проступки нынѣшней младости“ великаго князя, отъ которыхъ долженъ былъ остерегать новый его дядька. Требовалось, чтобы Петръ Ѳеодоровичъ „преданія Православной Греческой вѣры крайнѣйше наблюдалъ“, Божіей службѣ въ прямое время съ усердіемъ и надлежащимъ благоговѣніемъ, гнушаясь всякаго небреженія, холодности и индифферентности (чѣмъ всѣ, въ церкви находящіеся, явно озлоблены бываютъ), присутствовалъ; чинамъ Святѣйшаго Синода и всему духовенству надлежащее почтеніе отдавалъ, особливо же своего духовника, когда оный о Божіей службѣ оповѣщаетъ, или за инымъ чѣмъ по своей должности прійдетъ, самого къ себѣ допущалъ и наставленія его въ духовныхъ вещахъ охотно и со вниманіемъ выслушивалъ“. Обращено было вниманіе на ученіе великаго князя и велѣно препятствовать „чтенію романовъ, игранію на инструментахъ, егерями и солдатами или иными игрушками и всякимъ шуткамъ съ пажамъ, лакеями или иными негодными и къ наставленію неспособными людьми“. Нужно было наблюдать, „дабы его высочество публично всегда серіознымъ, почтительнымъ и пріятнымъ казался, при веселомъ же нравѣ непрестанно съ пристойною благоразумностію поступалъ, не являя ничего смѣшного, притворнаго и подлаго въ словахъ и минахъ“. Доходя до мелочей обыденной жизни великаго князя, составитель инструкціи счелъ необходимымъ даже требовать, чтобы великій князь „за столомъ, вмѣсто негодныхъ и за столомъ великихъ господъ непристойныхъ шутокъ и рѣзкости, разумными разговорами по обстоятельству времени, и случаевъ себя увеселялъ; отъ всего же неприличнаго въ дѣлѣ и словѣ, особливо же отъ не позволительнаго злоупотребленія дарованій Божіихъ, отъ шалостей надъ служащими при столѣ, а именно отъ залигій платей и лицъ, подобныхъ тому неистовыхъ издѣваній надъ бѣдными служителями, вамъ, силою сего Нашего всевысочайшаго повелѣнія и такъ, яко бы Мы сами въ при-

сутствіи были, воздерживать надлежить“. Игры съ лакеями также осуждены были въ инструкціи. „Его высочество, для соблюденія должнаго къ себѣ респекта, всякой пагубной фамилярности съ комнатными и иными подлыми служителями воздерживаться имѣеть, и Мы вамъ повелѣваемъ ихъ въ пристойныхъ предѣлахъ содержать, никому изъ нихъ не позволять съ докладами, до службы ихъ не касающимися, и иными внушеніями или наущеніями къ его императорскому высочеству подходить, и имъ всякую фамилярность, податливость въ непристойныхъ требованіяхъ, притаскиваніе всякихъ бездѣльныхъ вещей, а именно: палатокъ, ружей, барабановъ и мундировъ и прочее, накрѣпко и подъ опасеніемъ наказанія запретить, яко же Мы едва понять можемъ, что нѣкоторые изъ оныхъ продерзость возымѣли такъ названной полкъ въ покояхъ его императорскаго высочества учредить и себя самихъ командующими офицерами передъ Государемъ своимъ, кому они служатъ, сдѣлать особливые мундиры съ иными офицерскими знаками носить и многія иныя непристойности дѣлать, чѣмъ его императорскаго высочества чести и достоинству крайнѣйшее предосужденіе чинится, военное искусство въ шутки превращается, а его императорскому высочеству отъ тѣхъ нескусныхъ людей противныя и ложныя мнѣнія объ ономъ вселяются. По требованію же его императорскаго высочества, всегда для существительной его пользы такое распоряженіе учинено быть можетъ, что всѣ военныя эксерциціи и то, въ чемъ прямая служба состоитъ, Нашими офицерами покажется“. Въ супружескихъ отношеніяхъ великаго князя инструкція требовала, чтобы „для содержанія ненарушимаго и совершеннаго согласія, брачной повѣренности и любви всѣ способы и увѣщеванія были употреблены“, „наименъше же допускать, чтобы между толь высокосочетавшимися какое прегорченіе вкоренилось или же бы въ присутствіи дежурныхъ кавалеровъ, дамъ и служителей, колыми менъше же при какихъ постороннихъ что-либо запальчивое, грубое или непристойное словомъ и дѣломъ случалось“.

Этотъ официальный документъ говоритъ намъ не менѣе ясно, чѣмъ „Записки“ Екатерины, о ребячествѣ и дѣтскомъ неразуміи ея супруга, хотя онъ былъ уже въ это время объявленъ совершеннолѣтнимъ и принялъ управленіе Голштиніей. Въ инструкціи для великой княгини мы не встрѣчаемъ никакого яснаго указанія на „чинимые въ нынѣшней младости проступки“, кромѣ указаній на ея фамилярность къ прислугѣ

и купцамъ, приносившимъ товары, но тѣмъ сильнѣе, во второмъ пунктѣ инструкціи, указывается на ея супружескія обязанности къ великому князю. Императрица виновницей холодныхъ отношеній между супругами считала главнымъ образомъ Екатерину, и въ этой мысли укрѣпляли интриги окружающихъ ее лицъ, главнымъ образомъ Бестужева. Въ инструкціи указывалось, чтобы „ея императорское высочество съ своимъ супругомъ всегда со всеудобовымышленнымъ добрымъ и привѣтливымъ поступкомъ, его нраву угожденіемъ, уступленіемъ, любовію, пріятностію и горячестію обходилась и генерально все то употребляла, чѣмъ бы сердце его императорскаго высочества совершенно къ себѣ привлечь, какимъ бы образомъ съ нимъ въ постоянномъ добромъ согласіи жить; всѣ случаи къ нѣкоторой холодности и оскорбленію избѣгать, и потому себѣ самой и своему супругу наисладчайшее и благополучнѣйшее житіе, а намъ желаемое исполненіе Нашихъ полезныхъ матернихъ видовъ исходатайствовать и всѣхъ Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ усердное желаніе исполнить“; сочли нужнымъ напомнить великой княгинѣ и то, что „ея супругъ не только ея Государь, но со временемъ ея Императоръ, а она тогда въ совершенномъ покореніи его будетъ“.

Е. С. Шумигорскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

